

Инверсия как явление нарративного палимпсеста:
«Школа для дураков» С. Соколова
и «Мелкий бес» Ф. Сологуба

Жанна В. Щукина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vani7375@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен такой вид интертекстуальных связей, как нарративный палимпсест. Исследована его роль в поэтике неклассической художественности, где он имеет особый статус – статус культурного кода.

На примере двух произведений (Ф. Сологуба «Мелкий бес» и С. Соколова «Школа для дураков»), репрезентирующих нарратив аномального сознания, предпринята попытка показать, что текст Ф. Сологуба стал палимпсестным претекстом к произведению С. Соколова.

Ключевые слова: нарративный палимпсест, инверсия, нарратив аномального сознания. Inversion as a phenomenon of narrative palimpsest (Sokolov's School for Fools and Sologub's The Petty Devil)

Для цитирования: Щукина Ж.В. Инверсия как явление нарративного палимпсеста: «Школа для дураков» С. Соколова и «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 182–191. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-182-191

Inversion as a phenomenon of narrative palimpsest.
Sokolov's "School for Fools"
and Sologub's "The Petty Devil"

Zhanna V. Schukina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vani7375@mail.ru*

Abstract. The article deals with such type of intertextual relations as narrative palimpsest. Its role in the poetics of non-classical artistry, where it has a special status – the status of the cultural code, is studied.

© Щукина Ж.В., 2022

On the example of two works (F. Sologub's "The Petty Devil" and S. Sokolov's "School for Fools"), which represent the narrative of abnormal consciousness, the author tries to show that F. Sologub's text became a palimpsest pretext for the work of S. Sokolov.

Keywords: narrative palimpsest, inversion, narrative of abnormal consciousness

For citation: Schukina, Zh.V. (2022), "Inversion as a phenomenon of narrative palimpsest. Sokolov's 'School for Fools' and Sologub's 'The Petty Devil' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, part 2, pp. 182–191, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-182-191

«Школа для дураков» С. Соколова представляет собой такую композиционную форму текста, как поток сознания. Специфика данной формы повествования в том, что она представляет собой вербализацию внутреннего монолога, строящегося «по принципу свободных ассоциаций, произвольной последовательности, часто логической бессвязности фрагментов речи и создающего эффект непосредственной передачи реального функционирования психической жизни человека»¹, т. е., говоря о том, что повествование в том или ином тексте представлено в форме потока сознания, мы имеем в виду, что излагаемое нарратором предстает не как некая цельная история, а как неоформленный поток, мозаика внезапно наплывающих мыслей, ощущений, впечатлений, вербализуемых без сознательного отбора со стороны нарратора. В этой связи прежде всего вспоминаются произведения ирландского писателя Д. Джойса, француза М. Пруста и американца У. Фолкнера.

У произведения С. Соколова нами был обнаружен русскоязычный «предшественник», организованный не в форме потока сознания, однако во многом предваряющий «Школу для дураков». Речь идет о романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», который, как представляется, является палимпсестным претекстом к произведению С. Соколова.

В настоящее время при исследовании интертекстуальных отношений ученые нередко обращаются к понятию палимпсеста, причем в литературоведении данный термин применяется не в изначальном (источниковедческом) значении, но в метафорическом, ибо здесь под ним понимается аналог рукописи, созданной поверх соскобленного ранее текста, который можно восстановить лишь частично.

¹Рымарь Н.Т. Поток сознания // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 179.

В.И. Тюпа говорит, что палимпсестной может именоваться словесная ткань, сквозь которую, как сквозь поверхностный слой, проступают система персонажей, отдельные сюжетные узлы, мотивная структура или отдельные существенные мотивы, имена, некоторые иные характерные особенности другого текста (претекста) [Тюпа 2021, с. 167]. Есть основание предполагать, что, соотнеся текст Ф. Сологуба «Мелкий бес» с текстом С. Соколова «Школа для дураков», мы увидим, что второе из названных произведений по ряду пунктов является палимпсестной словесной тканью в отношении «Мелкого беса» Ф. Сологуба.

Общность эта прежде всего обнаруживается в репрезентации в обоих случаях картин мира аномального сознания, – интертекстуальная линия, тянущаяся от «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя и «Двойника» Ф. Достоевского.

На первый взгляд, между произведениями мало общего, кроме разве что аномальности восприятия главными героями. Однако палимпсестная интертекстуальность может быть не только прямой, но и инверсивной; при этом прототекст сохраняет роль культурного кода. Так, анализируя палимпсестные связи между главным героем романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» Юрием, героем книжного жития святых Георгием и героем устных духовных былин Егорием Храбрым, В.И. Тюпа отмечает, что инверсия – «весьма характерное явление для поэтики палимпсеста» [Тюпа 2021, с. 175].

Именно инверсия является, на наш взгляд, той определяющей чертой, которая позволяет говорить о тексте С. Соколова как палимпсесте относительно романа Ф. Сологуба «Мелкий бес».

На первый взгляд, перед нами два диаметрально противоположных героя. Единственной объединяющей их чертой является аномальность восприятия ими окружающего. Впрочем, условность и зыбкость понятия «нормы» принимается даже некоторыми психиатрами, поэтому оппозицию «нормальное – аномальное» сознание мы будем рассматривать, ориентируясь на существующие ныне взгляды в медицине.

При создании своих прозаических произведений, точнее, центральных их героев, Ф. Сологуб, по словам исследователей, стремился максимально следовать источнику или модели: «известно, что Передонов во многих деталях был списан с душевно больного учителя словесности из Великих Лук И.И. Страхова, лично знакомого писателю» [Сконечная 2015, с. 232]. На основании этого сходства делается вывод, что диагноз главного героя есть паранойя. Опираясь на научные исследования известного психиатра С. Корсакова, О. Сконечная заключает, что данный диагноз вполне допустим. Бредовое состояние такого больного содержит в себе несколько эта-

пов. На начальном этапе больной пребывает в состоянии смутных предчувствий и ожиданий, на втором этапе формируется убежденность в том, что мир настроен против него, повсюду преследователи, на финальном этапе параноики нередко выражают недоверие к предлагаемой им еде, боясь быть отравленными, обращаются с жалобами и доносами к высокопоставленным лицам, в ряде случаев параноики предпринимают попытку убить мнимого преследователя. Поначалу параноик Ардальон просто пишет доносы. Потом он начинает бредить убийством. Но когда безумие его достигает апогея, он не просто предпринимает, он реализует намерение убить мнимого преследователя. Как видим, Передонов именно параноик.

Иного рода аномальность героя С. Соколова. Двуголосый нарратив романа, материализованный в «двойственности» личности главного героя, подталкивает предполагать в аномальности Нимфеи присутствие шизофрении. Так, например, М.Н. Липовецкий, ставя герою подобный диагноз, подчеркивает наличие у него «шизоидного воображения» [Липовецкий 1997, с. 311].

Впервые смешение терминов и понятий «шизофрения» и «диссоциативное расстройство идентичности» («раздвоение личности», «множественная личность») было отмечено в стихотворении Т.С. Элиота в 1933 г. Психиатры подчеркивают, что, хотя диссоциативное расстройство идентичности никак не связано с шизофренией, часть симптомов могут напоминать друг друга, а потому для постановки верного диагноза сначала ищут симптомы шизофрении, которых не может быть при диссоциативном расстройстве идентичности. Важно, к примеру, что все симптомы людей, больных шизофренией, отвергаются ими (они верят, что на них наговаривают), а больные диссоциативным расстройством идентичности прекрасно понимают, что происходящее с ними (слуховые галлюцинации, потеря чувства времени) – аномально. То, что герой С. Соколова страдает именно этим расстройством, попытаемся доказать, опираясь на работу психиатра С. Брэдли, выявившей в 2010 г. качественные различия шизофрении и диссоциативного расстройства идентичности (далее – ДРИ):

- амнезия не является симптомом шизофрении, но является обязательным критерием диагностики ДРИ. При ДРИ амнезия нередко сопровождается чувством потери времени (как у Нимфеи), чего никогда не случается при шизофрении;
- логическое мышление и организационная деятельность сильно страдают при шизофрении. При ДРИ мышление остается более логичным и структурированным (периодами логика изложения событий, своих чувств и мыслей у Нимфеи максимально приближена к «норме»);

- галлюцинации люди с ДРИ признают за нечто аномальное (как и герой С. Соколова), в то время как шизофреники считают голоса чем-то естественным и не признают их галлюцинациями. Так, Нимфея в «Школе для дураков» открыто позиционирует себя не вполне нормальным. Более того, признание это аргументируется им вполне логически обоснованно. Он заявляет, что факт его сумасшествия не может вызывать сомнения ни у кого, ибо если бы дело обстояло иначе, то ему бы не пришлось учиться в специализированной школе. В то же время Передонов, чье безумие стремительно растет на протяжении всего повествования, до самого финала, до свершения им убийства, до момента ментального своего слияния с недотыкомкой, не осознает, что с ним что-то не так.

Исходя из этого, полагаем, что герой «Школы для дураков» – не шизофреник и тем более не идиот, как утверждает В. Туманов [Туманов 1994, с. 141], ибо – идиотия, являясь низшей стадией врожденного тупоумия (олигофрении), предполагает, что у больного ею вся эмоциональная жизнь исчерпывается примитивными реакциями удовольствия-неудовольствия, что, конечно, нельзя сказать о герое С. Соколова. Он, полагаем, предстает как человек с ДРИ.

На основании указанных симптомов можно утверждать, что инверсивный характер палимпсестной словесной ткани у С. Соколова относительно прототекста отчасти обусловлен разностью психических заболеваний главных героев.

Обратимся непосредственно к анализу текстов.

Основная антиномия, создающая смыслообразующую инверсию, посредством которой текст С. Соколова становится палимпсестом по отношению к тексту Ф. Сологуба, – антиномия восприятия окружающего.

В «Школе для дураков» герой – апологет Прекрасного. Передонову у Сологуба мило лишь Безобразное. В качестве отправной точки можно опереться в данном случае на локус прокурорской дачи, столь важный в контексте нашей темы. Передонов, подобно гоголевскому Чичикову (правда, с иной целью), обходит с визитами всех влиятельных лиц города. В один из дней он оказывается перед дачей прокурора. В герое Ф. Сологуба этот дом порождает мрачное настроение, сопровождающееся тоскливым страхом, а сам дом, подобно всем людям, его окружающим, видится «злым». Интересно, что Нимфея, герой «Школы для дураков», является сыном прокурора. И у его семьи, прокурорской семьи, тоже есть дача. Только отношение Нимфеи к даче своего отца совсем иное. Для него это земной рай. Подтверждение – множество реплик, «разбросанных» ненадежным нарратором, по всему пространству

текста. Так, например, он тепло повествует о вечерних посиделках дачников, на которых они рассказывали друг другу различные истории.

Если для Передонова дача – место осознания своей противоположности всему иному миру, то Нимфея с восторгом вспоминает коллективную дружелюбность на дачах.

Важный инверсивный ход при сопоставлении двух произведений выявляется при обращении к категории памяти.

Передонов то и дело апеллирует к памяти, причем в контексте протекания своей ничтожной жизни. К примеру, во время очередной вакханалии, столь обыденной в семье Ардальона и Варвары, они уродуют стены дома, который снимают, – льют остатки кофе на стены и пинают их ногами. Передонов при этом считает нужным сообщить собравшимся, что подобным образом они поступают всегда, желая оставить о себе память хозяйке дома.

Тонкий и восприимчивый Нимфея, напротив, лишается памяти, сталкиваясь с красотой. Он вспоминает об умершей бабушке и сообщает, что, когда его бабушка еще была жива, она иногда теряла память, замечая нечто прекрасное. Затем он говорит, что и с ним происходит подобное: «...вокруг, наверное, слишком красиво, и поэтому я, как и бабушка, потерял память»².

Еще один важный инверсивный ход в этой связи: взаимодействуя с безобразным, Передонов хохочет, а Нимфея, замечая прекрасное, плачет: «В те дни вокруг стало настолько красиво, что я не мог выходить даже на веранду <...> я начинал плакать...»³.

Интересно, что положительные герои Сологуба, также тонко чувствующие прекрасное, как и Нимфея, плачут при взаимодействии с ним. Когда Саша Пыльников спрашивает Людмилу, почему та плачет, девушка говорит о сердце «ужаленном радостью»⁴, а потому – «как мне не плакать»⁵. И еще один важный момент, «роднящий» героя С. Соколова с положительными героями Ф. Сологуба, а значит, автоматически указывающий на инверсивную сущность Нимфеи и Передонова. Нимфея, взирая на красоту, способен временно лишиться памяти. Напротив, Передонов, творя мерзости, желает зафиксировать их в памяти окружающих. Людмила же, страстно убеждает Сашу, что мудрость и счастье именно в безумии; что для понимания истинной сути всего «надо забыть, забыться»⁶.

² Соколов С. Школа для дураков. СПб.: Азбука-Классика, 2007. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб.: Азбука, 1999. С. 300.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Важным показателем инверсивной переключки между двумя текстами является отношение героев ко всему живому. Герой прототекста чужд природе, не чувствует, не любит природы, более того, садистски упоенно издевается над любыми порождениями природы, в частности бьет и мучает kota.

Нимфея не то, что к животным, но просто к живому относится прямо противоположно: даже цветы он предпочитает не срывать, но любоваться на них, смотря «на каждую в отдельности или на все вместе...»⁷.

Если Передонов – человек эмоционально дефективный, то чувства и эмоции Нимфеи в наивысшей степени тонки, изысканны, порою приобретают поэтизированную форму своего выражения. Чувства же Передонова тупы и ничтожны, все, с чем бы он ни соприкасался в жизни, проходя через «фильтр» его картины мира, обращается в грязь и мерзость. Во всем он способен замечать лишь недостатки. Его раздражает чистота, не только душевная, но и физическая. Он впадает в эйфорию, если при нем что-то пачкают. Аккуратных и чисто вымытых гимназистов он не просто презирует, но преследует и оскорбляет. В мире нет никого и ничего, что ему дорого и им любимо.

Про Нимфею же мы узнаем, что у него, напротив, очень развитое воображение. Он очень начитан. Передонов же (будучи учителем словесности!) на протяжении всего романа подчеркивает свою неприязнь к книгам: «...эти книги от только держал, а не читал. Давно уже не прочел он ни одной книги...»⁸.

Наиболее ярко характеризующим инверсивный характер палимпсестной словесной ткани произведения С. Соколова относительно «книжной» темы можно продемонстрировать следующими текстовыми эпизодами. В процитированном выше отрывке Передонов, будучи сам учителем словесности, настаивает на необходимости спрятать книги. В то же время самый важный в жизни Нимфеи человек – учитель географии Павел Петрович – дарует ему книгу.

Вообще, фигура учителя Павла (Савл: библейская аллюзия. – Ж. Ш.) Петровича в художественном пространстве «Школы для дураков», будучи самой «семантически весомой», предстает при этом самой иллюзорной. Поскольку в пределах текста С. Соколова мы имеем дело с ненадежным нарратором, то и дело возникает мысль: а что, если Норвегов – плод изощренной фантазии повествователя, образ, с которым он, в аффекте идеализации, отождествляет себя

⁷ Соколов С. Указ. соч. С. 40.

⁸ Сологуб Ф. Указ. соч. С. 67.

самого? Если предположить возможность подобного отождествления, то выявляется еще несколько весьма любопытных инверсивных переключек при сопоставлении двух текстов. И Передонов, и Павел Петрович – учителя. При этом характеристики, касающиеся педагогических способностей Ардальона Борисовича, позволяют говорить о нем как о ничтожнейшем педагоге, в то же время коннотации, касающиеся Норвегова, позволяют допустить, что перед нами не просто образцовый педагог, но идеал учителя.

Ему, разумеется, с позиций аномального нарратора, безгранично доверяют ученики, ибо «мы не знаем, как это вообще бывает <...> мы однажды спросили у Павла Петровича были ли у него женщины»⁹.

Что касается Передонова, его ученики боятся и презирают. Он с маниакальным упорством ходит по домам, донося на своих учеников: «Вообще шалит, возится, дерется, – угрюмо говорил Передонов, – постоянно шалит»¹⁰. То, что Ардальон не просто зол, но патологичен, доказывает факт того, что он испытывает подлинное наслаждение, пребывая на порках учеников.

Следующая инверсивная линия выявляется при сопоставлении того, как Передонов и Павел Петрович относятся к богатству, конвенциональному одобрению и социальному статусу. Когда Вершина замечает, что, судя по примете, ей вскоре удастся разбогатеть, Передонову это не нравится, поскольку разбогатеть хочет он сам. Ардальон мечтает о том, чтобы его боялись: «...все учителя будут кланяться низенько, а все школьники будут бояться...».

Нимфея, тем временем, не то репрезентируя собственное понимание, не то транслируя слова воображенного им учителя Норвегова, декларирует: «...буду кричать вам о своей недостижимой и прекрасной бедности...»¹².

И, наконец, последний инверсивный ход, выявленный нами – отношение к женщине, понимание чувства любви.

Передонов неряшливо похотлив. Его чувство к женщине ничуть не отличается от иных его мнимых чувств. С заслуживающей удивления настойчивостью он заявляет, что все лица женского пола от него в восторге, все желают быть им замеченными, все в него влюбляются, мечтают получить его в мужья.

Совершенно иначе чувство к женщине вербализуется в тексте С. Соколова. В герое нет ни капли уверенности, что он может

⁹ Соколов С. Указ. соч. С. 106.

¹⁰ Сологуб Ф. Указ. соч. С. 207.

¹¹ Там же. С. 223.

¹² Соколов С. Указ. соч. С. 62–65.

быть замечен и принят своим объектом любви. Описание самого же чувства максимально коннотативно и обнаруживает в Нимфее тончайшую душевную организацию: «...вот пришел я, твой робкий, твой нежный <...> мне ничего от тебя не нужно»¹³.

В контексте столь различной у двух героев чувственности стоит отметить и ярко выявляемый разнотипный ход мыслей, возникающих у них. Извращенное сознание Передонова порождает иллюзию – мнимое «свидание» со столь волнующим его гимназистом Пыльниковым. Лицо мальчика соблазняет и мучает Ардальона. Обозленный невозможностью реализации своих низменных влечений, Передонов принимается оскорблять и унижать мальчика, расписываясь в собственном бессилии.

Все «свидания» Нимфеи с Ветой Аркадьевной – тоже иллюзия. Но насколько иначе вербализует свои желанные фантазмы герой С. Соколова! Он сообщает, что необычайно взволнован, ибо назначил свидание своей учительнице, а все, что он должен будет ей сказать при встрече, – «все на редкость важно»¹⁴.

Финалы двух произведений наиболее ярко выявляют инверсивный характер палимпсестной связи между произведениями «Мелкий бес» Ф. Сологуба и «Школа для дураков» С. Соколова: герой Соколова обращается в нимфею, прекрасную водяную лилию (аналог вечной и неуничтожимой красоты), Передонов сливается до неразличимости с недотыкомкой – иллюзорной квинтэссенцией всего самого низкого в человеке.

Литература

- Липовецкий 1997 – *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
- Сконечная 2015 – *Сконечная О.* Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков М.: Новое литературное обозрение, 2015. 256 с.
- Туманов 1994 – *Туманов В.А.* A Tale Told by Two Idiots: Крик идиота в «Школе для дураков» Саши Соколова и «Шуме и ярости» Уильяма Фолкнера // *Russian Language Journal*. 1994. № 48. С. 137–154.
- Тюпа 2021 – *Тюпа В.И.* Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.

¹³ Соколов С. Указ. соч. С. 73.

¹⁴ Там же. С. 137.

References

- Lipovetsky, M.N (1997), *Russkii postmodernism. Ocherki istoricheskoi poetiki* [Russian postmodernism. Essays on historical poetics], Ekaterinburg, Russia.
- Skonechnaya, O. (2015), *Russkii paranoidnyi roman: Fyodor Sologub, Andrei Belyi, Vladimir Nabokov* [The Russian paranoid novel. Fyodor Sologub, Andrei Bely, Vladimir Nabokov], Moscow, Russia.
- Tumanov, V (1994), "A Tale Told by Two Idiots: The idiot's cry at Sasha Sokolov's 'School for Fools' and the 'Noise and Fury' by William Faulkner", in *Russian Language Journal*, pp. 137–154.
- Тура, В.И (2021), *Gorizonty istoricheskoi narratologii* [Horizons of historical narratology]. Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Жанна В. Щукина, аспирант, Российский государственный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vani7375@mail.ru

Information about the author

Zhanna V. Shukina, Russian, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vani7375@mail.ru